

О. Б. ЗАСЛАВСКИЙ

СТРУКТУРНЫЕ ПАРАДОКСЫ
ПУШКИНСКОГО «ОТРЫВКА»
(«Не смотря на великие преимущества...»)

Прозаическому «Отрывку» Пушкина («Не смотря на великие преимущества...», 1830) не повезло. Как самостоятельное произведение он почти не изучался. Не выяснен даже его статус. В собраниях сочинений он печатается в разделе «Отрывки и наброски». Однако, по замечанию В. С. Листова, особенности рукописи заставляют усомниться в его незавершенности: «⟨...⟩ основной текст обрывается вообще без даты, а на обороте листа Пушкин ставит жирную продольную черту и пишет следующее послесловие ⟨...⟩ Вот под этим-то послесловием и стоит дата „26 окт.“» (Листов 1983: 110). Естественно считать, что дата относится к тексту в целом, а это служит косвенным свидетельством в пользу его законченности (более подробно эта точка зрения аргументирована в работе В. С. Листова).

Но, при всей своей важности, текстологические соображения должны носить лишь факультативный характер. Если произведение и вправду закончено, это не может не сказаться на его структуре. Вот почему принципиально важно, что заглавие «Отрывок» принадлежит самому Пушкину (ср. Томашевский 1978: 542). При этом оно относится не только к повествованию о приятеле-стихотворце, о его облике, нравах и обычаях, но и к игровому послесловию, также вовлеченному в пространство художественного текста: «Сей отрывок составлял, вероятно, предисловие к повести, не написанной или потерянной. — Мы не хотели его уничтожить...» (Пушкин 1940, [кн.] 1: 411).

Предположим на минуту, что текст «Отрывка» действительно не завершен. Тогда возможны два взаимоисключающих варианта. 1) Пушкин планировал в дальнейшем продолжить произведение. В этом случае, однако, послесловие к ненаписанной повести становится просто бессмысленным. 2) Пушкин не собирался больше работать над текстом. Но тогда то обстоятельство, что автор не просто отложил написанное, а снабдил его заглавием и послесловием — внятными сигналами начала и конца, — означает фиксацию статуса, превращение отрывка в «Отрывок», то есть в нечто завершенное¹.

Обратимся теперь к тексту и рассмотрим его подробнее. Композиционно произведение делится на две неравные части: в первой идет речь о стихотворце, рассказавшем ненаписанную или утерянную повесть, а во второй говорится, что предисловие к этой повести может иметь ценность само по себе: «Мы не хотели его уничтожить...» (Пушкин 1940, [кн.] 1: 411). В обеих частях субъект речи обозначен местоимениями 1-го л. мн. ч., и эта переключка тем отчетливее, что соответствующими дейктиками наполнен последний абзац предисловия, которое от послесловия отделено только чертой: «Мы распространились о нашем приятеле по двум причинам: во-первых, потому что он есть единственный литератор, с которым удалось нам коротко познакомиться, — во-вторых — что повесть, предлагаемая ныне читателю, слышана нами от него» (Пушкин 1940, [кн.] 1: 411). Подчеркнем, однако, что референты у *мы* предисловия и *мы* послесловия очевидным образом не совпадают: первое *мы* называет «автора» предисловия, который записал или намеревался записать повесть, услышанную от приятеля, тогда как второе *мы* называет «автора» послесловия, который счел нужным чужое предисловие сохранить. Это раздвоение субъекта речи, сближающее «Отрывок» с «Повестями Белкина» (они написаны той же болдинской осенью), обостряет проблему автора и обнажает «составной» характер произведения².

Отношения автора и текста, актуализованные дейктической структурой «Отрывка», непосредственно обсуждаются на его страницах. Герой предисловия — поэт, который энергично отстаивает свое право частного человека: он не желает сочинять по заказу публики и не считает себя обязанным ее услаждать. В этой связи оборванное повествование и нерассказанная повесть могут рассматриваться как реализация другого права — на свободу художественного творчества: в ответ на требования публики ей предъявляется демонстративное отсутствие текста, которое на другом (недоступном ее пониманию) уровне оказывается содержательным и представляет собой органическую часть завершенного литературного целого³. Здесь находит себе выражение общая черта поэтики Пушкина, вслушивающегося в молчание как в одну из форм речи (ср. Виролайнен 2003).

Текст, который формально оборван и не завершен, тем самым отрицается как таковой — с этой точки зрения примечателен сквозной мотив отрицания. Пушкинское произведение начинается с *не* («Не смотря на великие преимущества <...>») и заканчивается «отрицанием отрицания»: «Мы не хотели его уничтожить <...>». Единственное преимущество, которое признает за русскими стихотворцами автор предисловия,

тоже неразрывно связано с отрицанием: это «право ставить винит.(ельный) вместо родит.(ельного) падежа после частицы *не*» (Пушкин 1940, [кн.] 1: 409). В дальнейшем соответствующие конструкции возникают еще не раз, причем в ключевых местах: «Зло самое горькое, самое нестерпимое для стихотв.(орца) — есть его звание, прозвище, которым он заклеямен и которое никогда его не покидает»; «⟨...⟩ не привезли ли вы нам чего-нибудь нового?»; «⟨...⟩ эти добрые люди не имели, вероятно, намерения вывести его из терпения...»; «Он не любил общества своей братьи литераторов ⟨...⟩»; «⟨...⟩ не написали ли чего-нибудь новенького?» и т. п. (Пушкин 1940, [кн.] 1: 409—411). Тема этих и многих других строк «Отрывка» есть пограние (по сути, отрицание) прав литератора на частную жизнь и на свободу творчества. Таким образом, произведение рассказывает об отрицании с помощью отрицаний и притом отрицает само себя.

Возможен и более общий вывод. В произведениях, подобных пушкинскому, неоконченность тематизируется, что позволяет ее интерпретировать не только в плане формы, но и содержательно. Итогом становится завершённый текст, заявляющий о себе как о незавершённом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сказанное, разумеется, не исключает, что в дальнейшем Пушкин мог вносить в текст отдельные вставки и исправления.

² Заметим, что проблема авторства обсуждается в наброске одной из вставок, которые Пушкин намеревался внести в текст своего «Отрывка»: «Но главною неприятностию почитал мой приятель приписывание множества чужих сочинений ⟨...⟩» (Пушкин 1940, [кн.] 2: 961).

³ Хорошо известно, что в переработанном виде «Отрывок» вошел в «Египетские ночи» — характерно, что для них также значимы вопросы свободы/несвободы творчества и завершенности/незавершенности произведения.

БИБЛИОГРАФИЯ

Виролайнен, М. Н.: 2003, 'Речь и молчание у Пушкина', *Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности*, С.-Петербург, 437—444.

Листов, В. С.: 1983, 'Один мотив из болдинского «Отрывка» А. С. Пушкина «Не смотря на великие преимущества...»', *Болдинские чтения*, Горький, 109—118.

Пушкин: 1940, *Полное собрание сочинений*, [Москва — Ленинград], т. 8: Романы и повести; Путешествия, [кн.] 1—2.

Томашевский, Б. В.: 1978, 'Примечания', А. С. Пушкин, *Полное собрание сочинений: В 10 т.*, Москва, т. VI: Художественная проза, 511—559.